

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ СИСТЕМУ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ КАЛМЫКОВ

/по материалам письменных памятников 17 в./

Правовая лексика, являясь одной из древнейших в монгольских языках, остается по-прежнему неизученной как в историческом, так и в современном состоянии. Между тем она оказала заметное влияние на развитие общественно-политического словаря монгольских языков. Уже в силу этого обстоятельства диахроническое исследование правовой лексики представляется актуальным. Изучение названной группы лексики по материалам ойратских письменных памятников поможет воссоздать картину исторического развития словарного состава калмыцкого языка в 17 веке.

В данной статье исследуется лексика, относящаяся к сфере уголовного права, в частности, слова, обозначающие систему наказаний.

Материалом для исследования послужили памятник степного законодательства "Ик цааджи" — свод законов, составленный в Монголии в 1640 году на съезде монгольских и ойратских князей, а также два поздних дополнения к нему, сделанные Галдан хун-тайджи в годы его правления Джунгарским ханством /1677-1697г.г./. Данный свод законов представляет собой документ, в котором отразились цели съезда: урегулировать внутренние взаимоотношения между феодалами Западной и Восточной Монголии, положить конец междоусобицам, а также законодательно оформить права и привилегии князей и буддийского духовенства.

Были исследованы копия списка сочинения, хранящегося в ЦГАДА /1/, текст, опубликованный проф. К.Ф.Голстунским /2/, список из рукописного фонда библиотеки ЛО ИВАН/С 287/, сводный текст, составленный С.Д.Дылыковым на основе пяти списков /1/. Иллюстрируемый в данной статье лексический материал приводится по списку из ЦГАДА. Предполагается, что текст уложения первоначально был написан на старописменном монгольском языке, а затем переведен на ойратский

письменный язык. Это предположение основывается на том факте, что ойратский алфавит был создан через восемь лет после съезда и составления данных законов. Однако до нас дошли списки только ойратского текста.

Нормы наказания за совершенные правонарушения в "Их цааджи" значительно мягче, нежели в предыдущих монгольских уложениях. Так, в "Ясе" Чингиз хана смертная казнь была наиболее частым наказанием. В уложении 1640 года лексика, обозначающая смертную казнь, уже почти отсутствует. Для передачи этого вида наказания служит только одно слово *алахи*. Это объясняется, видимо, влиянием буддизма, который в конце 16 века в Монголии получил уже широкое распространение. Как известно, одна из заповедей буддизма — шадить живые существа.

Наиболее распространенным наказанием за правонарушения являлся имущественный штраф. "Тюрьма или арест — вообще лишение свободы, наказание у кочевых народов применяется редко; это наказание противоречит их быту и характеру" — отмечает В.Л.Рязановский в книге "Монгольское право/преимущественно обычное/" /3,55/. Распространенность имущественного наказания, видимо, можно также объяснить многочисленностью скота у кочевников того времени.

Лексику, обозначающую систему наказаний, выявленную в данном своде законов, можно разбить на три группы:

1. Названия физического наказания.
2. Названия имущественного наказания.
3. Названия морального наказания.

Названия физического наказания

Лексика, обозначающая физические наказания, немногочисленна. Этот факт свидетельствует о том, что данный способ наказания у монголов в то время не был широко распространен. Так, в своде отмечаются только шесть преступлений, которые наказываются физическим способом. Исследуемую группу лексики в данном своде составляют: наименования смертной казни, причинения увечий, нанесения ударов, надевания железных наручников.

алахи "убить". Это слово в данном своде законов встречается, в основном, в значении преступления и только в двух случаях обозначает наказание. Провинившиеся были обречены на смерть при умалчивании о надвигающемся вражеском войске, а также, когда воин оставлял своего нойона на поле битвы.

yeke dayisuni üjeji sonosçi bayiji ese keleküle üre-yin üre kōji alaya talaya "если/кто/, увидев большое вражеское войско или, услышав о нем, не сообщит, того убить, имущество забрать, а потомство изгнать".

noyodi ken kümün gargaĵi ireküle хоşoun dēre darxalaya: orkixula alaya talaya "того, кто выведет нойона /из поля боя/, сделать дарханом в хошуне, того, кто оставит-убить, а имущество забрать".

gar xadaхu "отрубить руку". Глагол xadaхu имеет много значений, однако исследуемое значение "отрубить" в словарях отсутствует. Так, Ф.Голстунский /4/ дает следующие переводы этого слова: "вколачивать, вбивать, прибывать, пригвождать; подшивать подошву; пришивать /пуговицу/; устремлять, вперять взор; косить /сено/, жать; приложить, присоединить, пришить". К значению "отрубить" здесь близко значение "косить, жать". Их объединяет общая семантика "отделить". В современном "Монгольско-русском словаре" зафиксировано значение "отделить" в выражении хавирга хадах "отделять ребра от позвоночника"/при разделе туши/. На наш взгляд, оно наиболее близко к исследуемому нами значению.

xulagai kegseni keleĵi yabutugai: ese keleküle axalaĉini gariyini xadaхu bolbo "староста десяти дворов должен сообщить о произведенной краже, если не сообщит, то отрубить ему руку". В современном калмыцком языке "отрубить" передается словом чавчх.

Со словом utulхu "отрезать" в своде встречаются два выражения, обозначающие наказания с причинением увечий:

xurgu utulхu "отрезать палец".
tor gölmi хабха edeni abхула xurgu utulхu bolbo
хурга хайрлахула табу хойор bodo gurban хой ab

"/кто/ украдет огниво, нож... сети для ловли птиц и рыб, капкан, тому отрезать палец; если пожалеет палец, взять у него пятерку, состоящую из двух крупных домашних животных и трех овец"

čike utulxu "отрезать уши".

küni künin alaxula kümüni keb-yēr bolbo: ese deküle čikiyini utulji öbörö kümündü ökü bolbo "если одна жена убьет другую /при двоеженстве/, то поступить по закону об убийстве человека или же отрезать ей уши и отдать замуж за другого человека".

čokixu "наносить удары, бить, колотить".

yeke nalixula guči čoki "... если сильно побьет, то/виновному/нанести тридцать ударов".

Интересно отметить, что два слова, встречающиеся в приведенном контексте, nalixu и čokixu, имея одинаковые значения "бить, ударять, колотить", отличаются тем, что первое имеет оттенок нападения, а второе – наказания. В активном словарном фонде современного калмыцкого языка слово nalixu уже не встречается, а sokixu, утратив оттенок наказания, употребляется в широком значении "бить, ударять".

tömürēr bugoulxu "надеть железные наручники/ошейник/"
Глагол bugoulxu "надеть наручники /ошейник/" образован от именной формы bugou в значении "ожерелье у женщин, ошейник, наручники".

xulagai keqseyini keleji yabutugai: ese keleküle axalaxuyini gariyini xadaхu bolbo: bišiyini tömürēr bugoulxu bolbo "о произведенной краже надо сообщить, если не сообщат, то отрубить руку старосте, а остальным надеть железные наручники /ошейники/".

В современном калмыцком языке буһу бытует только в значении женского украшения "браслет".

Названия имущественного наказания

Имущественное наказание за правонарушение представляло собой штраф, который выплачивался скотом, одеждой, ценными редкими вещами. Размер штрафа зависел от тяжести

преступления, а также от социального положения потерпевшего или виновного. При тяжких преступлениях виновный подвергался полному разорению. Конфискация имущества и наложение штрафов способствовали пополнению казны князей. В своде зафиксировано специальное положение о том, что после судебного разбирательства судьи обязаны были в первую очередь лучшую часть / *dēji* / конфискованного имущества или ~~взимавшего~~ штрафа преподнести ставке князя, в противном случае эта доля забиралась ставкой в двойном размере.

Поскольку наложение штрафов являлось самым распространенным видом наказания, то и лексика, обозначающая этот вид наказания, была особенно развита.

В текстах встретились слова, относящиеся к общему понятию "штраф":

yala. Слово обозначает "штраф скотом, взыскание, наказание", зафиксировано 14 раз.

maliyin yala nayiman yesü gerči-dü nige yesü ög "если штраф скотом составляет восемь девяток, то одну девятку отдать свидетелю".

anju. Слово, также как и предыдущее, обозначает "штраф скотом, взыскание, наказание". Встречается 1 раз. Жамцарано /5.3/ этот термин поясняет так: "Термин "андза" является старинным техническим выражением в древнем законодательстве монголов /"Халха Джирум" и "Улан Хацарто"/, употреблялся для передачи понятия, близкого к неустойке, но применительно к нормам брачного права. Характерно, что никакого порочащего оттенка уплаты "андза" не носила. В данном своде это слово зафиксировано в положении, также относящемся к семейному праву. В современном калмыцком языке оно не употребляется.

sayin күмүни емеуиги күмүн оргуулхула темē терүү-теi yesүн yesü anju ab "если кто-либо умыкнет жену знатного человека, то взять /с него/ штраф-девять девяток с верблюдом /в каждой девятке/".

yeke keb "большой штраф".

Слово *keb* обозначает "положение, обычай, закон, уложение". Выражение *yeke keb* можно понять как "большое уложение". С.Д. Дылыков /1/, например, перевел его как "Великое Уложение", на которое, якобы, ссылаются составители законов

при определении наказания. Но если это словосочетание взять в контексте, то слово *keb* приобретает значение "штраф", которое не отражено в словарях, а само сочетание *yeke keb* — "большой штраф". Здесь приводятся все три случая, зафиксированные в своде. В одном случае выражение уточняется припиской *mingan xoyn*, которая, видимо, была сделана позднее. Она дает нам возможность судить о размере данного штрафа. Так как в основном тексте размер штрафа ни разу не был указан, то можно сделать вывод о том, что он был хорошо известен кочевникам и не требовал пояснения.

šajini tus blamanari-yin üyile ayimage aläji talaji abubasu joun xuyag joun temē mingan adou abxu gagča jarimi yeke keb-yēr abxu bolbo "если/кто/будет убивать и разорять служителей религии в монастыре, то у того взять сто панцирей, сто верблюдов, тысячу лошадей. В некоторых случаях брать большим штрафом".

kümi alabāsu yeke keb mingan xoyn "при убийстве человека—большой штраф в тысячу овец".

öšöji tüyimer talbixula yeke kebēr boltugai "если/кто/сделает пожар из мести, то пусть /наказывается/ большим штрафом".

В лексическую группу данного ряда можно отнести слова, обозначающие размер штрафа. Так, штраф скотом исчислялся особыми единицами, которые в зависимости от количества скота в единице назывались: *yesün* "девятка", *tabun* "пятерка", реже *dolōn* "семерка", *dörbön* "четверка", *gurban* "тройка". Известно, что в состав "девятки" входили четыре головы крупного скота и пять овец, а в пятерку входили, как правило, две головы крупного скота и три овцы. Эти слова, являясь субстантивированными числительными, в данных текстах выполняют функции имен существительных.

otog otogiyin sayid tūšimed ebdeküle nige temētei yesü ab "если нарушат /закон/ сайды тушимеды, то взять девятку с верблюдом".

šabaqčanari darixula tabu abxu bolbo "если оскорбит шабаганцу, взять пятерку".

jida xulaxula sayināsa gurba mougasa mori ab "если украдут колье, то за хорошее взять тройку, за плохое

взять коня."

sōi ūgei okini. orgoulxula sayināsa dolō dundāsa tabu mougasa nige temē ab "если /кто/ умыкнет несговоренную девицу, то со знатного взять семерку, со среднего-пятерку, с простолюдина-верблюда".

eme kümüni kümüne sedkil neyileküle хоууулан durатаi болхула emēse dörbö erēse tabu "если друг друга полюбят замужняя женщина и /посторонний/ мужчина, то с женщины взять четверку, с мужчины - пятерку".

В своде отмечен один случай употребления глагола tabuлахи, обозначающего "оштрафовать пятеркой". Глагол образован от числительного tabun.

elči nāru čāru күртеle arki bo uu uuxула tabула ya noyon öküle uutugai "Гонец от отбытия до прибытия не должен пить водку, если выпьет, то оштрафовать пятеркой". Но если угостит войон, выпить можно".

хагас "половина". Встречается 8 раз. Это слово также обозначает в своде законов размер штрафа. Например: половина имущества, половина имеющегося скота.

görösün-dü kümün tašaraji үкүкүle хагас yala ab: uridu kümüni kirēr ab "если/во время/ охоты на зверя случайно будет убит человек, то взять /с убийцы/ половину штрафа, положенного по Предыдущему положению/об убийстве/ человека".

В своде зафиксировано 11 случаев употребления глагола хагаслахи, который обозначает "делить пополам". В данных текстах он имеет значение "забрать половину". Глагол образован от существительного хагас.

dayisun ayil talaji adou kōji yabuqsani ken kümün aldoulxула ed mali хагаслаya "если кто-нибудь отобьет у неприятеля все награбленное в аиле и угоняемый табун, то тот должен забрать половину /отбитого имущества и скота/".

В современном калмыцком языке ни существительное хагас, ни глагол хагаслахи не встречаются. Однако в активном употреблении находятся слова, имеющие общий с ними корень хап, который обозначает "раскалывающее, раздробляющее действие глагола"/8,495/: хапх "прокалывать,

вскрывать, пахать, вспахивать", хаһрха "щель, отверстие, дыра, дырявый, разорванный", хаһрх "раскалываться, разрываться, прорываться", хаһрх "расставаться, разлучаться с кем-либо". В современном монгольском языке слово хаһас находится в активном употреблении в значении "половина", "частичный", "разрозненный", "неполный".

Названия морального наказания

Помимо названных наказаний, которые наносили преступнику физический и материальный ущерб, имелo место наказание, подвергавшее правонарушителя всеобщему осмеянию.

čegedeq ümüskekü "надеть женский сарафан". Так назывался воин, сбежавший с поля боя.

kümün dutaxula čegedeq ümüskekü "если человек сбежит с поля боя, то надеть на него женский сарафан".

inči abxu "дать щелчок".

kökö adxaxula ümüskele nuuča oronōso nige inči ab /тому кто/схватит за грудь/девушку/или поцелует/ее/, дать щелчок по тайному месту".

Таким образом, исследование данной тематической группы показывает, что собственно юридических терминов в тот период времени было очень мало. Значительную часть правовой лексики, в основном, составляют общеупотребительные слова. Основной состав описанной в статье лексики сохранился до наших дней и бытует в активном словаре современного калмыцкого языка. Некоторые слова /anju "штраф скотом", tabulaxu "штрафовать пятеркой"/ выбыли из употребления вместе с ушедшими в прошлое явлениями, другие в ходе развития языка утратили значения, выражающие понятия из области права/кев "вид, фасон, модель, образец, форма", но нет уже значения "уложение, закон, обычай, штраф"/.

Полностью утратили значения, относящиеся к праву, и такие словосочетания как gar xadaхu "отрубить руку", čike utulxu "отрезать уши", čegedeq ümüskekü "надеть женский сарафан" и др., т.к. виды наказания, которые передают данные выражения, стали достоянием истории.

Дальнейшее всестороннее исследование правовой лексики поможет выявить ее количественный и качественный состав,

источники ее формирования, закономерности в историческом развитии, правильно понять социальные явления, которые скрываются за юридическими терминами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Их цааз /"Великое уложение"/. М., "Наука", 1981.
2. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.
3. Рязановский В.А. Монгольское право /Преимущественно обычное/. Харбин, 1931.
4. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Л., 1938.
5. Жамцарано Ц.Ж. и Турунов А.Н. Обзорение памятников писаного права монгольских племен. Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Отдел 1. Науки гуманитарные. 1921.
6. Монгольско-русский словарь. М., 1957.